Осуществление контрольных и экспертно-аналитических мероприятий исходя из изложенных концептуальных положений позволит обеспечить комплексный системный контроль за исполнением федерального бюджета по доходам, выполнением задач в области налоговой политики и бюджетной стратегии, поставленных в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации.

Литература:

1. Агапцов С. А. Особенности формирования доходной части бюджетов государственных внебюджетных фондов в связи с переходом на трехлетнее бюджетное планирование / С. А. Агапцов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2008. – № 5. – С. 42.

Шапиро Наталья Александровна,
д. э. н., проф., зав. кафедрой
экономической теории
и экономической политики
ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет
низкотемпературных и пищевых
технологий»
e-mail: vshapiro@mail.ru

Теоретико-методологические аспекты исследования глобального и национального
Theoretical and Methodological Aspects of Global and National Research

В статье автор освещает проблемы соотношения в экономической политике глобальных и национальных интересов.

The author discusses the problems of a balance between the national interest and global interests in the economic policy.

Ключевые слова: глобальное, национальное, национальная идентичность.

Keywords: global, national, national identity.

Проблема соотношения глобального и национального может быть успешно теоретически и практически решена через сопоставление их атрибутивных качеств или признаков. Понимание атрибутивных признаков глобального и национального дает возможность определить результирующий вектор их взаимовлияния на экономическое развитие. Если атрибутивные признаки подобны, то они усиливают развитие того или иного процесса, если признаки комплиментарны, то порождают новый процесс, новую черту в развитии, если противоречивы, то оказывают противодействующее развитию влияние. Следовательно, теоретически важно решить вопрос о том, каким образом следует выявлять атрибутивные признаки. Или, если формулировать иначе, следует решить проблему идентификации глобализации и национальной идентичности (самоопределенности) в современном хозяйственном мировом пространстве.

Начнем с идентификации. Суть идентификации как научного метода познания была раскрыта на рубеже XIX–XX вв. М. Вебером в его методологических эссе в контексте спора о методе социальных наук, где была представлена концепция «идеальных типов». Идентификация как прием научного познания неплохо интерпретирована отечественными

исследователями-вебероведами[1], которые показали, что метод идентификации по алгоритму является сравнительным, а по характеру результата – занимает промежуточное положение между методом генерализирующим и методом индивидуализирующим. Если генерализирующий метод направлен на изучение общего, а индивидуализирующий – специфического, то метод идентификации исследует особенное. В исследовании особенного, так же как и в исследовании общего, используются гипотезы, но эти гипотезы таковы, что должны отражать не предельно общий признак, а отличия в проявлении этого признака в конкретных обстоятельствах места и времени. Однако эти отличия не исключительные, делающие объекты уникальными и неповторимыми, как в изучении специфического, а раскрывающие особенности общего признака, т. е. типические. (Подобная логика укладывается в смысл категорий познания «общего, особенного, специфического».)

Результаты сравнительного анализа напрямую зависят от того, насколько корректно и оригинально с точки зрения выделенных оснований (предмет, образ, признак) он будет осуществлен в логике предлагаемой концепции (оставим в стороне ошибки формально-логического толка). Важнейшим среди оснований, ссылаясь на М. Вебера, будем считать образ – «идеальный тип», или, выражаясь современным языком, «конструкт», на основе которого сравниваются, сопоставляются между собой многообразные объекты, идентифицируются по отношению к избранным критериям. Критерии всегда относительны. Относительна и идентификация.

Следовательно, результаты идентификации являются по своей природе более генерализирующими (обобщенными), чем в индивидуализирующем методе, а гипотезы – более конкретизированными (менее общими и универсальными), чем в генерализирующем методе, что позволяет отказаться от исследования сущности и переключиться на изучение формы ее проявления в различных обстоятельствах места и времени. Таким образом, метод идентификации – это сравнительный анализ, где сравнению с абстрактной схемой или конструктом подвергается не единственный объект или объект вообще – экономика, хозяйствующий субъект, стоимость, товар и пр., в котором выявляется сущность, а несколько объектов, в которых определяются сходства и различия (сходства могут быть второстепенными, а различия существенными).

Теперь перейдем к проблеме национальной идентичности России или, как сказано в программных тезисах «Приглашения к размышлению» Ю. М. Осипова, к вопросу о том, какова же концепция России, т. е. способ ее понимания.

Осознание национальной идентичности, в частности России, – одна из важнейших и наиболее сложных современных социально-культурных проблем.

Большинство попыток идентифицировать Россию или российскую экономику заканчивались неудачно. Суть идентификации сводится к отсутствию таковой. Поэтический тезис о том, что «умом Россию не понять, аршином общим не измерить…» (Ф. Тютчев), считается, как это ни странно, наиболее релевантным. Представляется, что причина подобных странностей кроется в теоретико-методологической ошибке, которая состоит в том, что для идентификации в качестве образа для сравнения используются термины западной науки, западной культуры, западного общественного сознания.

Так, спор между русскими/российскими западниками и славянофилами идет в рамках западных конструктов, поскольку одни указывают на то, что им на Западе нравится, а другие – что им там не нравится. Западники ищут то, что есть в русских западного, славянофилы – что в русских «незападного». Но и в том и в другом случае конструктом является «запад». Поэтому когда мы пытаемся «встроить», «втиснуть» российский опыт в западные конструкты, то не имеем положительного результата. Как отмечал К. Ясперс, если смотреть на Восток с точки зрения Запада, то на Востоке можно увидеть только западные курьезы[2].

---

[1] Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.

[2] Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 90–92.

Но к критическому восприятию западных интеллектуальных традиций хотелось бы вернуться не с позиций патриотизма или какого-либо иного морально-нравственного неприятия западного образа жизни, бунта против Запада, а несколько в другой интенции – с точки зрения объективного признания того, что процесс познания или любая наука фаллибильна и частична[1].

Так сложилась судьба человечества, что достижения современной цивилизации принадлежат Западу. Мы пользуемся не только западными материальными благами, но и западными формами общественного сознания, через них видим и оцениваем весь окружающий мир. Специфика общественного сознания состоит в том, что в выработке рациональных понятий, как правило, отражается положительный опыт, который накопило западное сообщество на пути прогресса, выбора эффективности, поиска адаптации в достижении тех целей, которые данное сообщество ставило перед собой на разных этапах своего развития. Все иное отображается через противопоставление этому опыту и соответственно этим понятиям.

Однако попытка рассматривать европейский путь и соответственно понятия, его отображающие, как единственно верный или универсальный, формулирующий общечеловеческие истины, в XX в. потерпела неудачу, что признают сами западные авторы. Нетрудно привести примеры того, как успешно взаимодействуют рынок и коммунистическая партия в Китае, как люди научились сочетать коммунизм и религиозность в своей личной жизни и пр.

Но было бы глубочайшим заблуждением утверждать, что следует перечеркнуть все западные теоретические достижения. Современное состояние западной науки свидетельствует о том, что ее интеллектуальные прорывы связаны с изучением особенного, относительного, что получило отражение в новой институциональной экономике, которая разграничивает общие, абстрактные теории, от теорий, изучающей реальных людей и реальное поведение. Объективно сложившееся состояние науки, позволяет различать ее субстанциональные, сущностные и институциональные, компаративистские направления. Именно интенция на разграничение реально существующих, институциональных и утилитарно функционирующих форм может привести к адекватному теоретическому решению проблемы российской идентификации.

Например, проблема рынка и капитализма в России в своем традиционном решении не может объяснить, находясь в прокрустовом ложе западной терминологии, почему появление рынка не несет для нас благ западной цивилизации. Если же обратиться к разграничению институциональных и субстанциональных категорий, следует признать, что капитализм – это западный вариант использования рынка в целях накопления или преумножения богатства. В России же проблема богатства всегда была мало актуальной, поэтому для нее характерен не капитализм, не накопление богатства, а его «растрачивание», или перераспределение этого богатства ради удовлетворения потребностей отдельных групп населения (государственной бюрократии). Рынок как утилитарный и социально нейтральный институт может с успехом использоваться и для целей накопления, преумножения богатства, и для целей «растрачивания». Таким образом, рынок в России есть, а капитализма, как на Западе, нет.

Похожие идеи уже высказывались в отечественной литературе. В частности, В. В. Куликов отмечает: «…конкуренция из универсального способа стимулирования хозяйственного развития превращается в эффективный метод подавления и разорения, а границы применимости рикардианской теории сравнительных издержек еще более сужаются»[2]. Заметим, однако, что подобные выводы пока не воспринимаются должным образом государственными экономистами и политиками.

Отсутствие капитализма или традиции преумножения богатства трудом объясняет негативное отношение к деньгам, которые представляют собой во всех своих формах исторически доступный вариант предоставления объективной информации о социальной пользе или значимости созданного товара или услуги. В отсутствие капитализма при «растратном» хозяйстве деньги дают объективную информацию о растратах, о социальной пользе со знаком «минус», отсюда негативное отношение к деньгам.

---

[1] Файек Ф. Наше познание фаллибильно и частично // Познание, конкуренция и свобода. СПб, 1999. С. 26.

[2] Куликов В. В. Нынешняя модель глобализации и Россия // Российский экономический журнал. 2002. № 10–11. С. 70.

Капитализм как институциональная форма рынка логически должен быть противопоставлен иной институциональной форме рынка, терминологически пока не определенной.

«Рынок» как субстанциональное понятие следует противопоставлять другому субстанциональному понятию – «план», последний также может существовать в виде разных институциональных форм: план при социализме и план в буржуазной экономике как противопоставление, например, полной и неполной планомерности и пр. План сам по себе есть утилитарная и ограниченная форма, с его помощью можно накапливать богатство, а можно тратить. Будет ли общество преумножать богатство с помощью рынка или плана, растрачивать его с помощью рынка или плана, определяется, согласно, например, новой институциональной теории, экономией на трансакционных издержках, а конкретно-исторические формы использования плана или рынка – холистским выбором в обществе.

В свое время стремление создать универсальные концепции привело к идее прогресса. Понимая общество как определенный тип взаимодействия, представленный исторически определенной целостностью, социальная наука стремилась к формулированию универсальных теорий. В частности, экономическая наука выкристаллизовывалась как одна из ветвей наук об обществе, представленном универсальной совокупно-общественной концепцией. Практически все универсальные концепции не избежали гегелевского влияния, а именно идеи противоречия в виде элементарной антиномии. Преодоление идеи прогресса логично приводит к отказу от идей поиска универсальных концепций и ставит на повестку дня идеи теоретико-методологического плюрализма, который наиболее успешно реализуется в методе идентификации, его относительном характере.

Задача состоит в том, чтобы, идентифицируя экстенсивное и интенсивное многообразие действительности, получить такую классификацию, найти такие конструкты, при которых варианты сопоставлений не сводились бы к антиномии «положительного» и «отрицательного», «есть или нет», а находились бы в плоскости положительного разнообразия качеств, где бы Россия характеризовалась носителем каких-либо пассионарных черт (Л. Гумилев), а не их отсутствием.

Для примера возьмем идентификацию, предложенную японским автором, где за образ берется «вещество и его физические характеристики» как социально и национально нейтральный конструкт и соответственно полученные им варианты, отражающие сходства и различия: Запад – камень: индивидуализм + структура; Япония – глина: сплоченность + аморфность; Россия – песок: индивидуализм + аморфность[1].

Представляется, что поиск такой точки зрения, которая позволила бы посмотреть на себя (Россию) и окружающий мир таким образом, чтобы положительно представить и российское, и «нероссийское», является наиболее плодотворным для теоретического решения проблемы идентификации. Такой подход даст возможность понять те черты, которые воспроизводятся в нас, русских, в любых обстоятельствах места и времени – при царе, при генеральном секретаре, при президенте, диктаторе, демократии и пр. В этом случае должны появиться новые понятия, категории, алгоритмы развития, которые будут отражать положительный тренд России. Это поможет осознанно следовать ему и более успешно решать собственные проблемы, станет ясно, какими средствами следует воспользоваться в качестве дополнения для достижения результата либо на какие сильные стороны следует делать упор в достижении желаемого.

Задача науки, видимо, состоит в том, чтобы, представляя экзистенциальную картину российской реальности, стремиться найти реально существующие точки опоры в пространстве хаоса, высветить и упорядочить их, найти конкретный ответ для конкретной ситуации, искать оригинальные конструкты для идентификации (кто правильно различает, тот правильно мыслит, – гласит латинская пословица). Подобный путь есть преддверье той рефлексии, которая имеет шанс стать плодотворной теорией для России, в которой будут раскрыты сильные и слабые ее стороны – страна будет сама собой, а не лучшей или худшей копией Запада.

---

[1] Ермаков В. Путешествие из Китеж-града в Петушки, или Русская история в поисках своего смысла // Дружба народов. 2002. № 3. С. 155.

В области практической следует идти по пути решения собственных проблем, опираясь на собственные ресурсы, вырабатывая собственные институты. Лишь накопив собственный положительный опыт, можно надеяться, что рано или поздно будет создан потенциал, который обеспечит социально-культурный сдвиг, подобный тому, который произошел в Европе 600 лет назад, и сделает Россию передовой в будущей цивилизации. Практический, хозяйственный императив состоит в том, чтобы делать то, что делать надо в каждый конкретный момент времени. «…Для процветания [акционерного дела, а вместе с ним и] всей экономики нужен не возврат назад (он не возможен), а решение в сложившихся условиях тех кардинальных вопросов, нацеленность на которые до сих пор отсутствовала, но без снятия которых устойчивый экономический рост невозможен»[1].

Среди отечественных экономистов существует мнение, что пока Россия не выработает механизмов рецепции западных институтов, она не будет успешно развиваться. Но заимствование образцов, или рецепция, не может дать ничего особенного для России. Ведь институциональная теория учит, что рецепция иностранных образцов не ведет к кардинальным изменениям траектории развития, а для накопления положительного импульса России следует предпринять нечто иное. Именно трехсотлетняя рецепция, начиная с Петра I, марксистского прошлого и заканчивая монетаристско-кейнсианским настоящим, заглушает внутренний, имманентный потенциал самой России.

Заимствование иностранных образцов – желание понятное и в чисто теоретическом толковании представляется революционным вариантом изменения траектории развития. Абстрактно рассуждая, можно допустить, что успешным революционное изменение будет в том случае, если заимствованный институт в основе своей либо универсален, либо способен к эффективной адаптации в новых условиях. (Оставим в стороне фактор политической воли.)

Опыт создания национальных экономик на постсоциалистическом пространстве делает более правомерным утверждение, что не существует универсальных рецептов по импортированию или рецепции уже известных институтов, поскольку нет инструментов (или пока еще нет!), позволяющих отразить неуловимую конкретность бытия, без чего революционный вариант представляется успешным лишь в теории, а в действительности невозможен. Формально-логически можно утверждать, что при выборе институтов, предполагаемых к внедрению, следует учитывать институционально-исторический контекст их эволюционного формирования и в случае наличия подобного контекста у страны-импортера (донора) пытаться их внедрить, но поскольку «в одну и ту же воду нельзя войти дважды», то больших шансов на успех нет. Как отмечал Л. Гумилев, в культурно-политическом развитии в целом можно выделить две доминанты: а) стремление к подражанию соседям, более богатым и многочисленным, или мимесис; б) стремление к оригинальности на основе адаптационного синдрома или приспособления к вмещающему ландшафту – евтурофилия (любовь к Родине). Первое стремление – к подражанию. Оно ведет к тому, что, вбирая в себя новые этносы, новые идеологические системы и новые стереотипы поведения, страна деформируется, а проявляющиеся химерные конструкции всегда нестойки[2]. Представление о том, что институты, выработанные Западной Европой, применимы для всех, как считает Гумилев, ошибочно и с позиций науки вредно, как переливание крови несовместимых групп.

Второе стремление – к оригинальности и адаптации. Если ему суждено реализоваться в полной мере, то оно дает совершенно иное развитие культуры, формирующее национальные начала и логику творческих процессов. Реализуется принцип: «познай себя» или «будь самим собой», в этом случае идет процесс эволюционного развития. (Нельзя исключать тупикового варианта или «нереализации» данного стремления.)

Любопытно то, что на мировом рынке институтов положительные образцы являются достоянием человечества и, заметим, бесплатно. Это является косвенным признаком того, что дублирование их малоценно, иначе бы ими торговали и обогащались, а значит, они мало эффективны при рецепции. Образцы отрицательного свойства находят противодействие

---

[1] Куликов В. В. Десять лет спустя // Журнал для акционеров. 2002. № 4. С. 4.

[2] Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии, эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 56–57, 60.

в мировом сообществе при попытках их копирования. Прецеденты выплаты компенсаций одних стран другим за преступления против человечности являются тому подтверждением. Например, аннексии и контрибуции за нанесение ущерба войной, выплаты денежной компенсации Германией лицам еврейского происхождения и узникам концлагерей за геноцид и рабскую эксплуатацию. Известны требования афроамериканцев и краснокожих индейцев к белым американцам за использование их в качестве рабов, притеснения в резервации и пр. За создание и дублирование таких институтов, которые мировой общественностью расцениваются как преступления, странам-авторам или пользователям приходится рано или поздно расплачиваться.

В отношении заимствования образцов можно сделать однозначный вывод – заимствование не ведет к положительному сценарию развития.

Вообще сам факт существования в российском сознании моральной и интеллектуальной схизмы по вопросу о том, является ли Россия европейской страной, свидетельствует о том, что практика заимствования слишком затянулась.

Успехов в мировом развитии добивается тот, кто умеет вырабатывать, творить адекватные институты по отношению к объективным условиям экономического развития, а не тот, кто лучше всего копирует чужое. Что копировали для своего положительного развития передовые страны, США или Западная Европа? Они потому и передовые, что ничего или мало что копировали, решали собственные проблемы, исходя из своих собственных ресурсов и возможностей, и давали удовлетворяющее время объяснения происходящим переменам и сложившимся состояниям.

И теперь о глобализации. Приняв в качестве исходного теоретико-методологического тезиса идею о многообразии форм существования, адаптации утилитарных инструментов к конкретным обстоятельствам места и времени, подойдем к оценке глобализации как одной из возможных тенденций общемирового развития. Как отмечено в тезисах Ю. М. Осипова, «глобализаций, во всяком случае, ее аналогов, можно найти, вообще говоря – множество, как во времени, т. е. в прошлом, так и в пространстве, т. е. в настоящем».

С такой трактовкой можно согласиться в том случае, если под «глобализацией» понимать некий наднациональный процесс, т. е. глобализацию в широком смысле, а не конкретно-историческое употребление данного термина, в узком смысле используемого американским президентом Р. Рейганом и означающего распространение американского стиля жизни в мире.

Проблема состоит в том, что любая глобальная тенденции космополитическая по сути, но национальная по форме. Человечество, как правило, предсказывает или даже желает осуществления космополитических тенденций. Но когда в них узнается «национальная окраска», то радость почему-то становится не полной, говоря переиначенным рекламным слогом. Чуть раньше речь уже шла о европоцентризме, о восприятии западной науки как науки наднационального свойства, что фактически явилось интеллектуальным глобализмом, историческое время которого исчерпалось XX в.

Современный глобализм есть конкретно историческая форма процесса интернационализации производства, процесса, о котором марксисты-материалисты, в частности, мечтали, а при его наступлении пополнили ряды антиглобалистов, поскольку интернационализация явилась в «американской форме».

Поэтому правы те, кто считает, «что глобализация не является предзаданным одновекторным процессом, она сама вариативна... Здесь, как и везде, возможны разные модели»[1]. Говоря о непредзаданности глобализации, о ее моделях или вариативности, видимо, следует понимать это так, что разные нации на разных этапах развития могут проявиться различными сторонами своих наиболее сильных, удачно сложившихся качеств, по сравнению с другими странами, но поскольку мир изменчив и динамичен, роль лидера постоянно меняется. Нельзя, конечно, исключать желание той или иной страны, явившей миру очередную

---

[1] Куликов В. В. Нынешняя модель глобализации и Россия // Российский экономический журнал. 2002. № 10–11. С. 68.

глобальную тенденцию, удержаться в этом качестве подольше, подавляя даже военным путем всякое другое и насаждая свое. В этом желании подавления иного состоит угроза всякого глобализма для человечества, поскольку любой вид «центризма», «универсализма», «единообразия», «монополизма» губителен для жизни и ущербен в интеллектуальном смысле.

Но ни одна глобальная тенденция не вечна, не абсолютна, поскольку многообразие мира настолько велико экстенсивно и интенсивно, что, подавляя многообразие в одной функциональной сфере, оно воспроизводится в другой, появляются потенциальные ресурсы для иной глобализации, где будут иные лидеры, иные тенденции. Так, Россия видится определенной части исследователей лидером новой модели глобализации. Пережив глобализацию европоцентрическую научную, современную технократическую американскую, Россия имеет шансы быть центром иной глобализации (по ряду прогнозов она будет орнаментальной по сути). Эта возможность представляется реализуемой не только отечественным исследователям, но и ряду западных. В частности, экономисты американского инвестбанка «Голдман Сакс» опубликовали занятное исследование, в котором дают долгосрочные перспективы экономического роста и полагают, что Россия в 2050 г. по показателям ВВП обгонит Германию и Италию, она будет крупнейшей национальной экономикой мира. Основными условиями для такого роста исследователи считают макроэкономическую стабильность, наличие необходимых институтов (выделено мною. – *Н. Ш.*), открытость экономики и уровень образования[1]. Если же разного рода потрясениям удастся повлиять на одно из четырех основных условий, то указанный долгосрочный тренд может не реализоваться. Представляется, что выработка необходимых институтов – условие для реализации тренда самое сложное, а потому и самое ответственное.

Литература:

1. Гайденко П. П. История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. – М., 1991.

2. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991.

3. Файек Ф. Наше познание фаллибильно и частично / Ф. Файек // Познание, конкуренция и свобода. – СПб, 1999.

4. Куликов В. В. Нынешняя модель глобализации и Россия / В. В. Куликов // Российский экономический журнал. – 2002. – № 10–11.

5. Ермаков В. Путешествие из Китеж-града в Петушки, или Русская история в поисках своего смысла / Е. Ермаков // Дружба народов. – 2002. – № 3.

6. Куликов В. В. Десять лет спустя / В. В. Куликов // Журнал для акционеров. – 2002. – № 4.

7. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии, эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. – М., 1993.

8. Кокшаров А. Рост наперегонки / А. Кокшаров // Эксперт. – 2003. – № 39.

[1] Кокшаров А. Рост наперегонки // Эксперт. 2003. № 39.